

После Семи

КИРА СИ

18+

Кира Си После Семи

<https://litres.ru/74678509>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он умеет говорить «нет» чужим дедлайнам и не умеет отвести взгляд, когда она задерживается после семи. Она не спит с начальником за повышение. Она спит с мужчиной, который сначала спрашивает, потом ставит её на стол и делает ровно то, что она назвала вслух. Подробно. Медленно. Потом быстрее, когда она сама просит не беречь. Утром он снова босс. До той ночи, когда оба понимают, что утро уже не служебное.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Кира Си

После Семи

Глава 1

Правило

Бюро занимало два этажа стекла над рекой. Днём город лежал внизу как чертёж: мосты, швы набережных, чужие ошибки в линиях. К семи свет в офисе становился честнее. Лампы не льстили. Макеты отбрасывали тени, которые днём прятал солнцезащитный контур.

Нина пришла в восемь сорок, не в семь. Опоздание на первый день она не позволила себе даже мысленно. Старший архитектор. Не стажёр, которого можно поставить к плоттеру и забыть. Тридцать два. Своя линия в портфолио, свой узел, который держал нагрузку без чужого имени на штампе. Пальто она сняла в гардеробе у лифта. Под ним тёмная блузка, закрытая, не для витрины. Юбка по колено. Каблук, на котором можно стоять у макета час и не просить стул.

Арсений ждал не в переговорной. В своём кабинете, стеклянном со всех сторон, жалюзи подняты. Сорок один. Рубашка без галстука, рукава уже закатанные, хотя день только начался. На столе не цветы и не папка «добро пожаловать». Макет башни, которую бюро ещё не сдало, и один лист с её

фамилией.

— Нина, — сказал он. Не «доброе утро» и не «рады видеть». Имя, как ставят отметку на чертеже: чтобы дальше не путать.

— Арсений, — ответила она так же. Не «Арсений Сергеевич». В письме оффера он сам вычеркнул отчество. Она это заметила и не стала возвращать.

Он не предложил сесть сразу. Сначала границу. Голос ровный, без улыбки, которой покупают лояльность в первый час.

— В этом бюро спорят о проекте. Не о том, кто кому улыбнулся в коридоре. Ваши линии я буду резать, если узел не держит. Вы будете резать мои, если я вру себе про фасад. Это работа. Всё остальное я сейчас уберу, чтобы потом не разгребать.

Она стояла у стекла и слушала. За стеклом уже сидели люди. Кто-то делал вид, что не смотрит в кабинет шефа. Смотрели. Первый день старшего всегда смотрят.

— После семи в офисе мы не остаёмся вдвоём, — сказал он. — Ни над дедлайном, ни «на пять минут». Если ночь нужна проекту, в комнате третий. Или вы уходите, и ночь закрываю я. Не пьём вместе. Не ужинаем под видом обсуждения сметы. Compliments телу не будет. Ни от меня, ни в ту сторону, если вам захочется проверить, слышу ли я. Слышу. И не возьму. Споры только о проекте. Если граница покажется вам унижительной, скажите сейчас. Оффер ещё можно

свернуть без скандала.

Нина почувствовала, как по шее прошло тепло. Не от обиды. От того, что он назвал вслух то, что другие оставляют в паузе и потом называют случайностью. Ей тридцать два. Она уже видела кабинеты, где «давай останемся» начиналось с похвалы блузке. Здесь похвалы не было. Был запрет. Запрет лёг на кожу точнее, чем любая похвала.

— Не унизительно, — сказала она. — Ясно. После семи не вдвоём. Без алкоголя. Без комментариев к телу. Режете узел, не меня. Я режу ваш фасад, не вас. Если нарушите вы, я скажу вслух, не намёком. Если нарушу я, имеете право выставить за дверь до конца дня. Не из бюро. Из комнаты. Бюро я не отдаю за чужую слабину.

Он посмотрел на неё дольше, чем нужно для согласия. Не на грудь. На лицо. Потом кивнул.

— Тогда садитесь. Башня. Покажите, где вы уже не согласны, хотя ещё не открыли файл.

Она села. Юбка натянулась на колене. Она не поправила её демонстративно и не оставила нарочно. Рабочий день. Макет пах картоном и клеем. Его руки легли на ребро башни, не на стол рядом с её запястьем. Расстояние он держал как размер: достаточно, чтобы не задеть, недостаточно, чтобы выглядело бегством.

До обеда они спорили о ядре. Она сказала, что его вертикаль врёт на двадцатом этаже: красиво на рендере, плохо на ветре. Он не улыбнулся. Попросил счёт. Она посчитала

на его планшете, быстро, без извинений за почерк. Когда наклонилась, блузка не открыла ничего, что можно было бы назвать приглашением. И всё же она знала, где он стоит. Сбоку. Тепло от него было ближе, чем позволяет стекло. Пахло не одеколоном напоказ. Кожей, кофе, мылом, которое не пытается стать чужим вкусом.

— Здесь вы правы, — сказал он после паузы. — Вертикаль пересчитаем. Не потому что первый день. Потому что цифра не спорит.

— Я знаю, почему, — сказала Нина. — И всё равно приятно слышать без предисловия.

Он чуть сузил глаза.

— Это не комплимент телу.

— Это комплимент счёту. Его вы не запрещали.

Угол его рта дрогнул. Не улыбка. Почти. Он убрал её сразу.

День прошёл в людях. Планёрка, цех моделей, заказчик по связи, который хотел «повоздушнее» и не хотел слышать про нагрузку. Нина говорила коротко. Арсений не перебивал её перед чужими и не договаривал за неё. Один раз, когда молодой архитектор полез в её узел с чужой идеей, Арсений сказал только: «Сначала дослушай». Это было не заступничество. Это было правило комнаты. Ей всё равно стало жарко под блузкой, и она разозлилась на жар. Рано. Глупо. Он поставил границу именно затем, чтобы этого жара не было. Жар не читал правила.

К шести сорок в бюро ещё сидели трое. К шести пятидесяти двое ушли к лифту, громко обсуждая ужин, не проект. Третий, конструктор, закрыл ноутбук и кивнул им обоим так, как кивают людям, которых оставлять вдвоём уже неловко, но сказать неловко вдвое.

— Я до семи, — сказал он в воздух. — Потом зал пустой. Сигнализация на вас, Арсений, если останетесь.

— Мы не останемся, — сказал Арсений.

Конструктор ушёл. Стекло стало честнее. За рекой зажигались окна. В кабинете горела одна лампа над макетом. Семь ноль две на часах у двери. Нина это видела. Он тоже.

Она собрала планшет. Файл с пересчётом вертикали нужно было отдать ему в руки, не в общую папку: утром совет, и цифра не должна гулять по чату ночью. Она могла положить планшет на стол и отойти. Так было бы чище. Она протянула его сама.

— Здесь узел и счёт, — сказала она. — Подпись не ставьте, пока не прогоните ветер ещё раз. Я могла льстить своей линии.

Он взял планшет. Её пальцы задели его запястье.

Не тыльную сторону ладони, где касание можно списать на передачу вещи. Запястье. Там, где кожа тоньше, где жилка, где тепло сразу становится чужим теплом. Коротко. Меньше секунды. Достаточно, чтобы она почувствовала жёсткую кость под кожей и то, что он не одёрнул руку в ту же долю, в какую одёргивают случайность.

Оба сделали вид, что это случайность.

— Спасибо, — сказал он. Голос тот же. Пальцы на корпусе планшета сжались чуть сильнее, чем нужно для пластика.

— До завтра, — сказала Нина.

Надо было уйти сразу. Она подняла глаза, чтобы кивнуть, по-рабочему, и встретила его взгляд не на глазах.

Он смотрел на её рот.

Слишком долго для прощания. Не на весь день, не на блузку, не на колено, которое она так и не поправила назло. На губы. Так, будто правило, произнесённое утром, дошло до этой точки и остановилось, не зная, куда деть себя. Взгляд был тяжёлый, внимательный, без улыбки. Он видел, что она видит. Не отвёл сразу. Секунда. Ещё одна. Потом всё-таки отвёл, к планшету, к чужой вертикали, к безопасной цифре.

У Нины внутри всё сжалось низко и точно. Не в груди, где обычно врут про «бабочек». Ниже пояса. Резко, почти стыдно своей прямоотой. Соски под закрытой блузкой стали тесными к ткани. Между ног тепло собралось так быстро, будто взгляд был рукой. Она стояла ещё миг, потому что шаг выдал бы колено. Потом взяла пальто со спинки стула, не с его вешалки, и вышла первой.

— После семи, — сказал он ей в спину. Не угроза. Напоминание себе, не ей. Часы показывали семь ноль четыре. Они уже нарушили букву на четыре минуты. Тело он не комментировал. Этого правила он пока держался.

Коридор был пуст. Каблук звучал слишком громко. Она

не замедлилась у лифта и не обернулась на стекло его кабинета. Если обернётся, он может всё ещё смотреть. Если смотрит, она не ответит за то, что сделает лицо.

Лифт пришёл пустой. Двери закрылись. Зеркало напротив показало ей саму себя: собранные волосы, закрытый рот, рот, на который только что смотрели так, будто это уже не работа. Она нажала первый этаж. Створки поехали.

И тогда она почувствовала, насколько влажно стало в белье.

Не намёк. Не «кажется». Трусы прилипли к ней между ног, тонкая ткань потемнела бы, если бы она посмотрела, и она знала это без взгляда. Клитор ныл от одного чужого внимания, тупо и сладко, так, что шаг от лифта к гардеробу придётся делать собранно, иначе походка скажет больше, чем утреннее «ясно». Внутренние мышцы сжались сами, пусто, без пальцев, без его руки, и от этого сжатия стало ещё мокрее. Она оперлась лопатками о стенку кабины и выдохнула через рот, который он разглядывал.

Правило она не нарушила. Он не сказал ни слова о теле. Она не осталась. После семи они не были вдвоём дольше передачи файла. Четыре минуты. Случайное запястье. Взгляд.

Тело правило не подписало.

Лифт звякнул на первом. Она выпрямилась до того, как двери открылись. Пальто надела уже в холле, медленно, чтобы не выдать дрожь в пальцах. На улице река пахла холодом. Холод не унял жар между ног. По дороге к машине каждый

шаг тёр влажную ткань о неё, и она злилась на это трение, и не хотела, чтобы оно кончалось.

Дома она не написала ему. Нечего писать: узел в планшете, граница в силе, рот не обсуждается. Она сняла юбку, потом бельё. Ткань и правда была тёмной в самом центре, липкой, пахла ею. Нина постояла в ванной, глядя на это без романтики, и не тронула себя. Не из добродетели. Из злости. Если кончит сейчас, в голове будет его взгляд на рот, его запыстье под пальцами, его голос «после семи». Она не хотела отдавать первому дню даже свой палец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.